

ЭДУАРД ХРУЦКИЙ

СТРАХ

ЗОЛОТАЯ БИБЛИОТЕКА ДЕТЕКТИВА

Золотая библиотека детектива

Эдуард Хруцкий

Страх

«1С-Публишинг»

1944

Хруцкий Э. А.

Страх / Э. А. Хруцкий — «1С-Публишинг», 1944 — (Золотая библиотека детектива)

ISBN 978-5-6049167-0-4

Поздним вечером в одной из подворотен Леонтьевского переулка Москвы обнаружен труп мужчины. На место преступления незамедлительно прибыли эксперты-криминалисты и опергруппа уголовного розыска во главе с подполковником Даниловым. В карманах убитого кроме денег, пачки сигарет и счета из ресторана «Астория» найдено удостоверение работника МУРа. Вот только подлинность его вызывает большие сомнения. Похоже, оперативникам предстоит в очередной раз решить непростую задачу со многими неизвестными.

ISBN 978-5-6049167-0-4

© Хруцкий Э. А., 1944
© 1С-Публишинг, 1944

Содержание

Саксофонист Гриша Кац	6
Данилов	7
Никитин	10
Данилов	11
Данилов и начальник	14
Данилов	17
Муравьев	19
Данилов	23
Белов	25
Конец ознакомительного фрагмента.	27

Эдуард Хруцкий

Страх

© Э. Хруцкий (наследники)

© ИП Воробьев В.А.

© ИД СОЮЗ

Саксофонист Гриша Кац

Комендантский час перенесен, поэтому ресторан закрывался в одиннадцать тридцать. Ровно в двадцать три оркестр играл «Пора, пора! Уж утро настает...» и уходил с эстрады. Но Гриша точно знал, что к ним подбежит Борек, человек не определенного возраста, в очередном шикарном костюме, будет совать деньги и просить сыграть «Осень, прохладное утро...».

Гриша как руководитель оркестра никогда не отказывал, тем более что Борек считался солидным гостем, приходил в ресторан раза четыре в неделю и всегда платил.

То же произошло и в тот вечер, только Борек заказал почему-то «Рио-Риту».

Он сунул Грише кучу скомканных бумажек, и оркестр лихо сбавил довоенный фокстрот.

Ну все. Музыканты собирали инструменты, уходили в подсобку, где в маленькой комнате был накрыт для них ужин. Когда собрались все, даже суровый метр Сахаров зашел, Гриша достал из шкафчика две бутылки водки. Сегодня угощал он. За день до майских праздников его пригласили в военкомат и вручили медаль «За оборону Сталинграда».

Гриша Кац ушел на фронт добровольцем и в сорок втором в Сталинграде получил первое легкое ранение и медаль «За отвагу» на узкой ленточке. Через восемь месяцев, когда наши части замыкали кольцо, его ранили тяжело.

Однажды в госпиталь приехал генерал Чуйков. Он обходил палаты и награждал раненых. У Гришиной койки он остановился и спросил:

– Ну, как дела, солдат?

– Хорошо, товарищ генерал.

– Награды имеешь?

– До госпиталя был легко ранен и награжден медалью «За отвагу», – подсказал госпитальный особист.

– Молодец. А как фамилия?

– Боец Кац.

– Смотрите-ка, – искренне удивился генерал, – Кац. Дайка медаль, – повернулся он к адъютанту. Потом наклонился к Грише и прикрепил к его рубашке медаль «За боевые заслуги». – Носи – заслужил, а то, что Кац, – это ничего.

После ранения Гришу комиссовали, он вернулся домой и пошел играть в коммерческий ресторан «Астория».

Кац выходил на эстраду в белом пиджаке, на котором были нашиты полоски за ранения и висели две медали. Пусть эти пирующие неведомо на какие деньги люди знают, что он не в тылу проедался, а Родину защищал. А в прошлом месяце третью медаль ему выдали.

Они выпили быстро, времени в обрез было, и Гриша получил две кастрюльки с едой. Повар честно делил остатки среди всех.

Да и вечер неплохой выдался, народ гулял от души, все время заказывал музыку и посылал деньги в оркестр. Так что сегодняшний навар был вполне приличным.

Жил Гриша, считай, напротив ресторана, в Леонтьевском переулке. Милиционеры, дежурившие на улице Горького, его знали и ночной пропуск не спрашивали.

Так и сегодня. Кац взял свои кастрюльки, перебежал улицу Горького и в переулке включил фонарик. Ну вот и дом. Гриша свернул под арку, и тут желтый луч нащупал в темноте лежащего лицом вниз человека. Гриша наклонился и увидел торчавший из его спины нож.

Данилов

Он поспал всего-то два часа, может, чуть больше, как зазвонил, забился телефон.

Вялый со сна, он дошел до стола и поднял трубку:

– Ну?

– Ты чего нукаешь? – Голос начальника был свеж и весел. – Машина за тобой пошла, в Леонтьевском труп, весьма темный. Так что давай. Поспать-то успел?

– Самую малость.

– По нынешним временам это уже кое-что.

Данилов повесил трубку и начал одеваться.

* * *

В прошлом году за ликвидацию банды «докторов» его премировали орденом на отрез. Они с Наташей несколько раз ходили в распределитель «Стрела», Данилов хотел взять отрез обязательно темно-синий, но таких не было. Наташа уговорила его взять серый.

Вопрос с портным решил Никитин, отправив его к своему знакомцу Соломону Когану, у которого на квартире в прошлом году сидел в засаде.

Коган хорошо сшил костюм.

– На вас работать приятно, – сказал он Данилову, – стандартная, хорошая фигура.

Данилов пристегнул над карманом наградные колодки, чтобы не думали, что он всю войну на продскладе проедался, и начал носить костюм.

* * *

Вот и сегодня, завязывая галстук и одновременно ковыряя вилкой в сковородке с тушеной, которую быстро разогрела Наташа, Данилов ждал гудка машины.

Он успел одеться и даже поест, когда внизу квакнул клаксон «эмки». Данилов спустился вниз. Ночь была темная. Машина стояла у подъезда, и мрачный Быков обстукивал сапогом колеса.

– Куда едем? – недовольно спросил он.

– В Леонтьевский.

– А что там?

– Труп там.

– Чей?

– Вот приедем – узнаем. Давай. – Данилов уселся на переднее сиденье.

Город был пустой, поэтому Быков выжал из их старенькой «эмки» все, что мог. Иногда, когда машину подбрасывало на колдобинах, Данилову казалось, что она вот-вот рассыплется. Только у поворота на Леонтьевский Быков сбросил скорость. Въехав в переулок, он квакнул спецсигналом, и невдалеке вспыхнул фонарик. Данилов вылез из машины.

– Где?

– Сюда, Иван Александрович, – сказал Сережа Белов.

Они вошли в арку, и в тусклом свете карманных фонарей Данилов увидел лежащего человека.

– Где эксперты?

– Здесь мы.

Луч фонаря осветил эксперта и медика.

– Какие предположения?

– Убит ударом ножа. – Эксперт развернул белую тряпку, и Данилов увидел длинное, тонкое лезвие и наборную ручку из плексигласа.

– Думаю, что нож сразу же достал сердце, – вмешался медик. – Такой удар мог нанести только человек очень сильный.

– Что нашли?

– Так вот, товарищ подполковник, – сказал за его спиной Никитин, – нашли, ох нашли.

– Ну что ты вздыхаешь, Никитин, показывай.

Они вышли из-под арки, подошли к машине, и Данилов приказал зажечь в кабине свет.

– А маскировка? – проворчал Быков.

– Ты думаешь, что вся немецкая авиация только и ждет, когда старшина Быков светом своим столицу демаскирует.

– Вам видней. – По голосу шофера было ясно, что его Данилов так и не убедил.

Они сели на заднее сиденье, и Никитин начал раскладывать на планшетке найденные при обыске вещи.

– Оружия нет, а три патрона ТТ нашли. Платок носовой, сорок тридцаток, начатую пачку «Казбека», счет из ресторана «Астория», билет на электричку в первую зону. Билет обратный, он не выкинул его, потому что мог сегодня использовать.

– Вокзал?

– Белорусский. Первая зона: Фили и Кунцево.

– Дальше.

– А дальше совсем непонятно. – Никитин положил на планшет «мурку» – специальное удостоверение сотрудника МУРа. Данилов взял книжечку. Посмотрел обложку, и на сердце polegало. Не надо было работать экспертом, чтобы сразу определить, что удостоверение туптовое.

Данилов раскрыл его. Фото. Мордатый парень в милицейской форме. Дальше... Капитан милиции Лялин Борис Леонидович состоит на службе в Московском уголовном розыске.

– Реквизиты Борьки Лялина, – сказал Никитин.

– Это которого?

– Ну, тот, что по мошенникам работает.

– Кто труп обнаружил?

– Гриша Кац, саксофонист из «Астории».

– Смотри-ка, счет из «Астории», и нашел его ресторанный музыкант.

– Позвать его?

– Подожди.

Данилов вышел из машины и искренне пожалел бедного капитана Лялина, которого теперь затаскают по инстанциям и политотделам, а то и в НКГБ потащат.

Данилов вошел во двор, засветил фонарь:

– Белов, Никитин, с фонарями сюда.

Даже в этой темноте было видно, что двор не проходной. Данилов осмотрел все подъезды, черного хода не было.

– Значит, убитый вышел из одного из четырех подъездов, – сказал Данилов. – Где дворник?

Минут через десять привели заспанного дворника, даже на расстоянии от него шел густой запах перегара.

– Видать, политуру жрал, – засмеялся Никитин, – дух от него, товарищ подполковник, уж больно смрадный.

– Вы дворник?

– Силаев Николай Трофимович, – деликатно закрыв рот ладонью, ответил тот.

– Вот какая у меня к вам просьба. Под аркой убили человека. Он шел из вашего дома. Взгляните, может быть, вы его видели?

– Почему не взглянуть. – Дворник кашлянул, обдав всех густым сивушным духом. – Это мы всегда, ежели надо.

Дворник опасливо подошел к труп, наклонился:

– Посвети-ка сюда, товарищ милицейский.

Он еще ниже наклонился, казалось, что хочет обнюхать труп.

– Ты, батя, на него не дыши, – засмеялся Никитин, – а то жмурик закусить попросит.

– Закусить... Надумал тоже, – дворник тяжело разогнулся, – угости папиросочкой лимитной.

Никитин протянул ему пачку «Норда».

– Видать, не в больших ты чинах, раз гвоздики куришь, – сделал вывод дворник. – Ну, кому говорить-то?

– Мне. – Данилов полез за портсигаром.

– Видел его, покойного, значит, третьего дня. И шел он во второй подъезд. Я у него папироску стрельнул, «Пушку».

– А к кому?

– Этого не знаю, товарищ начальник.

– Ну а к кому, по-вашему, он идти мог?

– А что сказать вам, не знаю даже. В подъезде шесть квартир. По две на каждой площадке. Все квартиры отдельные. Коммуналок нет. Если подумать, что человек этот со свертком шел, а в нем я бутылку точно определил, то, думаю, в гости.

– А одет он как был?

– Да как и сейчас, только кепочка на нем была серая, из коверкота, нарядная кепочка.

– Давайте вместе подумаем: к кому мог убитый идти?

– Ну, к примеру, в восьмой квартире живет Лидия Сергеевна Мартынова. Дама она одинокая. Муж под Москвой в ополчении погиб.

– Она работает?

– В «Кинотеатре повторного фильма».

– Никитин? – Данилов обернулся.

– Здесь я, товарищ подполковник.

– Квартира восемь.

– Понял.

Данилов не заметил, как начало светать. Над городом вставал рассвет. И сразу дворы, дома, улицы стали веселыми и добрыми.

НИКИТИН

«Нечего, сейчас дамочку потревожим. У нее теперь самый сладкий сон. Небось выпили, трахнулись, а после этого спится...»

Никитин даже зажмурился от мыслей этих сладких. Нынче он спал всего часа два на колченогом, коротком диване под звон телефонов и шум голосов.

Он повернул рычажок звонка. Тихо. Спит, видно. Повернул еще несколько раз, и опять тишина.

Тогда Никитин с силой рубанул сапогом по двери.

– Кто?.. Кто?..

Женский голос, приглушенный дверью, был еле различим.

– Хрен в пальто, – тихо сказал Никитин, а во весь голос гаркнул: – Милиция, гражданка Мартынова!

– Какая еще милиция?

– Московская краснознаменная рабоче-крестьянская.

– Чего? Чего?

– Уголовный розыск.

Дверь отворилась на ширину цепочки.

Никитин достал удостоверение, осветил его фонарем.

– Вы, наверное, Борин друг? – спросила женщина.

– Именно.

Дверь отворилась, и Никитин вошел в квартиру. Всюду, куда бы его ни заносила служба, чувствовал себя Колька Никитин как у себя дома. Частенько приходилось ему выслушивать выговоры от начальства за его наглое поведение, но он свято считал, что наглость – сестра удачи.

Никитин по-хозяйски прошел по коридору, вошел в комнату, зажег свет. На столе стояли пустая бутылка водки и портвейн «Три семерки», початый до половины, рубиново алел винегрет, кисли остатки селедки со сморщенными ломтиками лука, на большой тарелке одиноко лежал недоеденный кусок сала, на блюде – кусочек омлета из яичного порошка. В комнате тяжело пахло табачным перегаром.

– Вы, гражданочка Мартынова, проветривали бы помещение на ночь.

– Что вам надо?

– Одевайтесь.

– Зачем?

– А затем, что вам нужно труп опознать.

– Какой еще труп? – взвизгнула Мартынова.

– Там узнаете. Одевайтесь, только скоренько.

«А бабенка-то ничего. Даже спросонья, ненакрашенной. Неплохо бандюга здесь устроился, совсем неплохо».

Никитин прошел на кухню. В раковине стояла невытая сковородка, в помойном ведре две банки от американских консервов. Одна была от колбасы, вторая – от свиной тушенки.

«Солидно гуляем. Правда, все пайковое, ничего особенного не было».

– Я готова. – На кухню заглянула Мартынова.

– Ключи не забудьте, а то потом дверь ломать придется.

А народу во дворе прибавилось. Появился следователь прокуратуры Степан Федорович Чернышов. Он стоял рядом с Даниловым в коричневой форме с узенькими серебряными погонами, на которые точно легли четыре звездочки в один ряд.

Данилов

- Вы Мартынова?
- Да.
- У вас вчера был гость?
- Да.
- Кто?
- Его зовут Боря, он из органов.
- Откуда вы это знаете?
- Это он мне сказал, потом я у него пистолет видела.
- Какой?
- Черный.
- Белов.
- Сергей подошел.
- Дай свой ТТ. Такой?
- Вроде бы.
- Посмотрите.

И вновь зажгли фонари. Женщина, страшась, через силу подошла к труп. Данилов откинул брезент.

- Он?
- Да! – закричала, заплакала Мартынова.
- Успокойте ее, – приказал Данилов. – Степан Федорович, а пистолет-то мы не нашли.

Патроны были, а пистолет-то...

- Точно, что его забрал убийца. – Чернышов достал пачку папирос «Бокс», закурил.
- Вы же раньше «Дели» курили, – усмехнулся Данилов.
- Так это раньше было. А теперь по талонам или десять пачек «Дели», или двадцать

гвоздиков. Вот и выбирай.

- И то верно. Обыск у Мартыновой делать будем?
- Всенепременно, а где музыкант, который труп обнаружил?
- А вон на лавочке сидит.
- Вы с ним не говорили, Иван Александрович?
- Пока нет.
- Поболтайте.

Данилов пошел к лавочке, думая о том, что хорошо, что он опять работает с Чернышовым. Степан Федорович был следователем опытным, да и человеком добрым и смелым, а главное, не боялся начальства.

* * *

Он подошел к лавочке и сел рядом с Кацем. И сразу обратил внимание на две нашивки за ранение и три медали на пиджаке.

- На каком фронте?
- Под Сталинградом.
- Артиллерист?
- Нет, пехота-матушка.
- Я начальник отдела борьбы с бандитизмом Московского уголовного розыска подполковник милиции Данилов. Называйте меня Иваном Александровичем. А как вас величать?

- Григорий Давидович.
- Вот и познакомились. Расскажите, как дело было.
- Шел с работы из ресторана «Астория»...
- В какое время?
- Я у дома на часы посмотрел.

Кац отогнул рукав, и Данилов увидел часы-цилиндр с черным циферблатом и красной секундной стрелочкой. Такие часы в сорок первом ребята из его батальона снимали с убитых немцев.

Но он не брал. Брезговал.

– Немецкие?

– Взводный подарил, когда меня в госпиталь увозили. Так вот, на моих было пять минут первого.

- Вы больше ничего не заметили?
- Нет. Я сразу домой и милицию вызвал.
- Значит, вы работаете в «Астории»?
- Да.
- Вот посмотрите. – Данилов протянул Кацу ресторанный счет.
- Наш.
- А вы этого человека раньше в ресторане видели?
- Точно нет. Возможно, официанты... А впрочем...
- Что «впрочем»?
- Есть один человек.
- Кто?
- Знаю, что его зовут Борек, в нашем кабаке почти каждый день. Он-то наверняка всех

видит и помнит.

- Почему?
- Так я думаю.
- Опишите его.
- Всегда хорошо одет, лысый, высокий, денежный.
- Это не приметы.
- Ну, худощавый, суетный такой.

– Спасибо, Григорий Давидович, вы идите отдыхайте, а как проснетесь, попрошу к нам на Петровку, пропуск будет заказан. Мы ваши показания на бумаге закрепим.

– Буду. – Кац встал.

Данилов поднялся в восьмую квартиру.

В комнате за столом сидел Чернышов и писал протокол обыска. На диване устроились понятые – дворник с женой.

- Нашли что-нибудь? – спросил Иван Александрович.
- Ничего.
- Я так и думал.

– Я тоже. – Чернышов аккуратно закрутил колпачок авторучки. – Как жить-то дальше будем?

– Что Мартынова показала?

– Обычное дело. Познакомились в кинотеатре. Пару раз в цирк ходили, один раз на джаз-оркестр Утесова. Потом он к ней пришел. Работает, сказал, в органах...

– Тоже мне гинеколог, – зло прокомментировал Данилов.

Чернышов хохотнул и продолжал:

– Вчера выпили, закусили, легли. Поздно ночью звонок. Голос мужской, низкий. Наш «сыщик» сказал, мол, на работу вызывают, и ушел.

– Где живет, не говорил?

– Нет.

– История обычная, сколько мужиков на войне погибло-то. Застоялись бабы, любого дай. А здесь бугай из органов. Ну, я на Петровку, связь держим постоянно.

Данилов и начальник

Секретарь начальника Паша Осетров принес чай и бутерброды с американским шпиком. Данилов посмотрел на него и в который раз подивился, как ладно, словно на гвардейском поручике, сидит на нем форма.

– Ты ешь, Данилов, – начальник откусил сразу половину бутерброда, – ешь. Не завтракал небось.

– Небось да. С трупом возился.

– Ну, что ты скажешь? – Начальник взял в руки туфтовую «мурку», лежащую на столе. Данилов замотал головой.

– Невразумительно, Ваня. Дело-то хреновое, того и гляди, из госбезопасности приедут.

– Так уж сразу.

– Наш-то политорган уже заколотился. Сажин икру мечет. – Начальник нажал кнопку. На пороге появился Осетров.

– Капитана Лялина ко мне. Ты его знаешь, Иван?

– Почти нет, он из отдела Муштакова.

– Да. Хороший парень. В МУРе с сорокового. В августе сорок первого ушел добровольцем, попал в диверсионную группу, работал в немецком тылу. Получил два «Красного Знамени» и партизанскую медаль второй степени, а вот видишь, – начальник подошел к сейфу, открыл, вынул коробочку и удостоверение, положил на стол, – прислали ему медаль партизанскую первой степени. Он в разных отрядах задания выполнял, так первую награду ему в одном дали, а в другом – следующую. Так вот суди сам, Ваня, как мне с этим Лялиным разговаривать. Кстати, твой Муравьев тоже партизанскую медаль получил.

– А он-то за что?

– Помнишь, в сорок втором он в партизанское соединение летал?

– Помню.

– Самолет подбили, он из немецкого тыла выходил.

– Но ведь он не партизан.

– Значит, тесть его подсуетился, как-никак, а он генерал и замнаркома.

– Непонятно.

– А чего непонятного: Муравьевым уже дважды из наркомата интересовались, спрашивали, какая у него перспектива роста.

– Что поделаешь...

Данилов не успел закончить фразу, в дверь заглянул Осетров:

– Капитан Лялин.

– Давай, – махнул рукой начальник.

В комнату вошли двое: замначальника Серебровский и Лялин.

– Товарищ полковник, капитан Лялин по вашему приказанию прибыл.

Начальник встал.

– Вот какое дело, Лялин. Начну с приятного. Указом Президиума Верховного Совета СССР № 116 от 6 января сего года ты награжден медалью «Партизан Отечественной войны» первой степени. Поздравляю.

– Служу Советскому Союзу.

Начальник подошел к Лялину и прикрепил медаль к его кителю.

– А теперь садись, Лялин, поговорим о неприятном.

Лялин сел, настороженно оглядел начальника, Серебровского, Данилова.

– Ты мне скажи, друг мой Лялин, как ты данное явление оцениваешь. – Начальник протянул ему фальшивое удостоверение.

Лялин взял красную книжку, раскрыл, посмотрел, и кровь отлила от его лица.

– Ну, что скажешь? – Начальник забарабанил пальцами по столу.

– Не знаю, товарищ полковник.

– Скажите, капитан, где вам приходится снимать пиджак или китель, ну, к примеру, в гостях? – спросил Данилов.

– Если я, товарищ подполковник, где-то и снимаю одежду, то удостоверение в карман брюк перекалдываю, – резко ответил Лялин.

– Вы не сердитесь, капитан, но дело мужское...

– Понял вас. Есть у меня подруга, работает в Советском райкоме комсомола, мы решили пожениться летом.

– А почему летом? – вмешался Серебровский.

– Она уехала уполномоченным в колхоз.

– Вы в баню ходите? – поинтересовался Данилов.

– Каждую среду идем вчетвером, трое моются, а один караулит, потом мы приходим, он моется.

– Если удостоверение всегда при вас, растолкуйте: как оно попало в чужие руки? – Данилов встал.

Лялин не успел ответить. Дверь распахнулась, и в кабинет вошел замначальника московской милиции, начальник политотдела полковник Сажин. Данилов его терпеть не мог, потому что в этом маленьком худом человеке уживалось столько злобы и подлости, что вполне бы хватило на население города средней руки.

– О чем беседуете? – не здороваясь, спросил он.

– О делах наших невеселых, – зло ответил начальник.

– А это ты, полковник, прав. Дела у вас из рук вон плохие. Городом овладели преступники, а начальник ОББ чаи гоняет. Так, что ли, Данилов?

Иван Александрович молчал.

– Ишь ты, какие костюмы-то носим в то время, как вся...

– Товарищ полковник, – лицо начальника налилось темно-багровым цветом, – попрошу по существу. А что касается костюма начальника ОББ, так отрезом его наградили за ликвидацию банды «докторов».

– Ты по существу хочешь? Изволь. Бдительность вы, дорогие товарищи, потеряли. Бдительность чекистскую. Поэтому и гуляют по Москве бандиты с вашими удостоверениями. Так что же, Лялин?

– Мое удостоверение при мне, товарищ полковник.

– Ишь, при мне, – передразнил Сажин и нехорошо покосился на колодку на кителе Лялина и новую медаль.

«Завидует. Он же завидует наградам Лялина», – понял Данилов.

Над карманом кителя всемосковского политрука скромно висели «Красная Звезда», «Знак Почета» и медаль «За трудовое отличие». Ее, кстати, в сороковом вручали обоим: Данилову и Сажину.

– Ты здесь партизанскими наградами не трясись, Лялин, – зло сказал Сажин. – Ты на нашей работе заслужи награды, тогда тебе честь и хвала. А пока ты, Лялин, утратил чекистскую бдительность. Ты знаешь, что такое красная книжечка работников органов? Это частичка нашего знамени. Понял?

Лялин молчал.

– А ты, значит, врагу это знамя отдал!

– Погодите-ка, товарищ полковник, – Серебровский вскочил, – это не разговор. Ты, Лялин, иди, делом занимайся, мы без тебя перетолкуем.

Капитан вышел из кабинета.

– Я смотрю, – продолжал Серебровский, – вы уже статью шьете боевому офицеру? – Он подошел к Сажину: – Ловко это у вас получается.

– А вы, товарищ Серебровский, не очень-то, не очень, – Сажин назидательно поднял палец, – у вас в личном деле тоже кое-что есть.

– За своих баб, товарищ Сажин, я готов отвечать на любом уровне, а вот офицеров наших марать не позволю.

– Все, – начальник хлопнул ладонью по столу, – товарищ полковник, у вас есть обоснованные претензии к руководству МУРа?

– Найдутся.

– Тогда давайте говорить об этом у руководства.

– Ну что же, там и поговорим.

Сажин вышел из кабинета, долбанув при этом дверь.

Данилов

Он вернулся в свой кабинет, снял пиджак, расстегнул воротник и расслабил галстук.

«Все-таки редкая скотина этот Сажин. Говорит от имени партии, как будто она состоит из него и сотрудников никому не нужного политотдела. Демагог и скотина».

Данилов прекрасно помнил, как тогда еще рядовой инструктор Сажин на партсобрании выводил на чистую воду работников милиции.

Это-то и предопределило его карьеру, в сороковом он стал начальником политотдела, а в сорок первом еще и замначальника московской милиции.

Когда формировалась милицейская бригада, в которой Данилов стал комбатом, Сажин залег в госпиталь с острым приступом аппендицита.

Знакомый хирург рассказал Данилову, что резали они так называемый холодный аппендицит. Закошил тогда Сажин, закошил. Зато потом свирепствовал, выявляя людей, недостойных звания чекиста.

Но надо было работать, и Данилов взял материалы по сегодняшнему делу.

* * *

«Что же мы имеем? Некого человека, представившегося Мартыновой как Боря из органов. На работе и по месту жительства Мартынова характеризуется положительно. Муж погиб в сорок втором, поженились они в феврале сорок первого.

Она рыла окопы, была бойцом ПВО, даже пожары тушила. Киномехаником была, обслуживала прифронтовые части. Соседи показали, что вела Мартынова образ жизни спокойный и трезвый.

Значит, этот Боря просто случайный роман.

Об убитом известно, что у него был пистолет ТТ и муровское удостоверение. Приходил он к Мартыновой не с пустыми руками, но приносил продукты и выпивку исключительно распространенную, пайковую.

Счет из коммерческого ресторана «Астория». Судя по количеству блюд, за столом было не менее четырех человек. Видимо, двое мужчин и две дамы. И гуляли они достаточно широко. Две бутылки водки, бутылка шампанского и две бутылки портвейна «Айгешат», четыре салата оливье, два салата из крабов, четыре порции ветчины, две языка отварного, четыре порции котлет по-киевски, мороженое, кофе, ликеры.

И деньги заплачены за это крутые – восемнадцать тысяч рублей. Такой счет должны наверняка запомнить».

Данилов поднял трубку и вызвал Муравьева.

Игорь явился немедленно. Был он в форме. Последнее время Данилов заметил, что Муравьев носит исключительно форму, и, надо сказать, хорошо пошитую.

Как рассказал Никитин, Игорь получил отрезки и пошил все в правительственном ателье. На кителе к двум орденским колодкам прибавилась третья, зеленая.

– Ты что же, Муравьев, зажал высокую награду? – усмехнулся Данилов. – Как-никак ты у нас партизаном стал.

– Сам не знаю, Иван Александрович, вызвали и вручили. Сказали, за тот полет к партизанам в сорок втором.

Игорь говорил искренне, и Данилов сразу поверил ему.

– Вот видишь счет из ресторана «Астория»?

– Вижу.

- Счет заметный, гуляли от души. А официанты на такое дело весьма внимательны.
- Там же наш агент Кочетков.
- С ним встретишься отдельно, покажешь фотографию, дашь задание. Кроме того, там постоянно крутится человек по имени Борек, его укажет руководитель ансамбля Кац...
- Его брат?
- Привезешь в управление. С тобой поедет Никитин, его Кац хорошо знает, и переоденешься, возьми в хозчасти военную форму.

Муравьев

Они с Никитиным переоделись и стали офицерами-танкистами, другой подходящей формы у завхоза не нашлось. В финчасти им выдали триста рублей на оперативные расходы.

На эту сумму они могли выпить по чашке кофе и запить его бутылкой нарзана.

Ровно в восемнадцать часов они зашли в ресторан. Ох и красиво же было в «Астории»! Лепнина, золото, ковры, кабинки дубовые. Столы со снежными скатертями и блестящей посудой.

Зал еще полупустой, всего несколько столов было занято, но у Игоря появилось какое-то странно призрачное ощущение, которое приходило к нему только в детстве, когда в тридцать пятом разрешили официально праздновать Новый год.

– Вот жизнь, Муравьев, – вздохнул у него за спиной Никитин, – а мы все по малинам да камерам.

– Знаешь, сколько на такую жизнь денег надо?

– Знаю, я меню посмотрел, моей зарплаты на одну котлету да салат хватит.

– Ну а на мою еще кофе можно дополнительно взять.

А к ним уже подлетал метр. Опытным взглядом он сразу различил, что эти два офицера – новички. Увидел он и их колодки, определив в них фронтовиков. А у этой публики кое-какие денежки водились.

– Прошу, дорогие гости, для фронтовиков мы сделаем все.

– За это спасибо, конечно, дорогой гражданин метрлотель, – Никитин взял инициативу на себя, – пойдете-ка вот в этот закуток, поговорим.

Метр внимательно взглянул на офицеров и сразу же понял все.

В этом ресторане он проработал много лет, сам был агентом НКГБ с приличным стажем, поэтому знал, зачем приходят сюда люди из органов.

Они зашли в кабинку, и Муравьев с Никитиным предъявили удостоверения. Метр внимательно прочитал их:

– Чем могу помочь?

– У нас к вам две просьбы, – мягко улыбнулся Муравьев, – вот счет, пришлите сюда официанта, который его выписывал.

Метр стремительно взглянул:

– Это рука Николая Петровича. Товарищи, что, неприятности какие? Не поверю. Николай Петрович старейший работник, награжден значком «Отличник общественного питания», имеет почетные грамоты...

– Не пугайтесь, нас интересуют люди, которых он обслуживал, и, пожалуйста, посадите нас здесь.

– С удовольствием. Заказывать будете?

– Да. Два кофе и, если можно, налейте чай в бутылку из-под коньяка.

– Я все понял, – усмехнулся метр.

Через минуту занавеска кабинки отодвинулась и появился невысокий, но очень шустрый человек лет шестидесяти, в белой куртке, накрахмаленной рубашке и черном галстуке-бабочке.

– Спрашивали?

– Вы Николай Петрович?

– Именно я.

– Присаживайтесь. – Муравьев протянул официанту счет. – Ваш?

Николай Петрович надел очки, взял счет, посмотрел внимательно:

– Мой.

– А вы не помните, кто сидел за этим столом?

– Помню. Две дамы. Одна брюнетка, яркая такая, на ней был темно-синий костюм, на шее жемчуг натуральный, колечко сапфировое с бриллиантами. Видная дама. Курила она папиросы «Совет Юнион», вторая – блондинка, красивая, в темно-вишневом панбархатном платье, на шее ожерелье из уральских камней, на руке кольцо с бриллиантом, карата полтора, часики золотые «ЗИФ». С ними двое мужчин. Один в темно-синем бостоновом костюме, лысенький, маленький, полный, второй – высокий, статный, костюм, шитый у дорогого портного, материал привозной. Костюм в клетку широкую, синюю с серым. Оба курили «Казбек». У толстого часы «Лонжин» золотые, у молодого не приметил. Рассчитывался толстый. По счету, как положено, ну и на чай, как говорится, хорошо отвалил. Деньги, десять тысяч, дал забандероленной пачкой, остальные из кармана достал, отсчитал небрежно, меня все время братцем называл.

– Николай Петрович, а вы не помните, что он со счетом сделал?

– Как же, помню, в карман положил, в деньги, я поэтому бандероль с пачки снял и спрятал ее.

– Она у вас? – обрадовался Муравьев.

– Извольте. – Официант протянул полоски банковской бандероли.

– А почему, папаша, вы ее сохранили? – вмешался Никитин.

– И сам не знаю, у нас счет прячут в карман только проверяющие.

– Понятно.

– А скажите, Николай Петрович, – продолжал Муравьев, – человек этот часто в вашем ресторане бывает?

– Его, брюнетку и молодого впервой видел, а блондинку несколько раз замечал.

– Вы, случайно, их имен не запомнили?

– Блондинку называли Наташей, молодого – Глеб.

– А этого человека не было с ними? – Муравьев достал фотографию убитого.

Николай Петрович внимательно посмотрел и отрицательно замотал головой.

– Спасибо вам. – Муравьев пожал руку официанту.

– Тут метр, Борис Сергеевич, распорядился подать вам кофе да чаек в бутылочке, я мигом.

* * *

А на эстраду уже поднимался оркестр.

– Я сейчас. – Никитин вышел из кабины.

Ресторан уже заполнился больше чем наполовину. Суетились официанты, за столом сидели хорошо одетые штатские и военные с фронтовыми орденами.

Там, на фронте, денежное довольствие они держали на расчетной книжке. Зачем на фронте деньги. Вырвавшись в тыл, в отпуск по ранению или командировку, лихо просаживали их в кабаках.

Женщин было много. Особая категория дам. Красивые, хорошо одетые, они предлагали себя за право потанцевать, хорошо поесть, забыть хоть на один вечер о тяжелой жизни военного тыла.

Кац сразу же узнал Никитина и показал ему на маленькую дверь рядом с эстрадой.

Никитин юркнул в нее.

– Привет, Гриша.

– Привет, Коля.

Общительный человек был Никитин, даже за те два часа, что они проторчали на месте убийства, он сумел завести дружеские отношения с Кацем.

– Мы, Гриша, во второй кабинке сидим. Как этот фраериска покажется, ты скажи, что, мол, по заказу фронтовиков-танкистов танго «В парке Чаир». Понял?

– Нет вопросов, Коля.

Никитин вернулся в кабинку и увидел на столе две большие тарелки жареной картошки.

– Это откуда?

– Местное руководство сжалилось над нашей полуголодной жизнью, – усмехнулся Игорь.

– Годится. – Никитин залез в карман галифе и вытащил аккуратно замотанный в тряпицу кусок сала. – Сейчас салыца нарежем. – Он достал маленький перочинный ножик.

– Хозяйственный ты парень, Коля, – одобрительно заметил Муравьев.

– Ты погоди, главное еще будет.

Когда разложили сало и картошку, Никитин взял бутылку коньяка, понюхал, попробовал, потом вылил половину чая в фужер, достал фляжку и налил.

– Что это?

– Спирт.

– Ну ты, Колька, жох.

– А как ты думаешь, будем сидеть и смотреть, как здесь хива всякая гуляет?

– Ну зачем же хива, – Муравьев отодвинул занавеску, – смотри, сколько офицеров.

– Я про них не говорю, сам полтора года на фронте дрался, если бы не ранение... А вот посмотри, штатских сколько. Молодые, все на брони, от фронта освобожденные. Но деньги-то у них откуда? В городе все коммерческие кабаки этой публикой полны.

– Это ты прав. – Игорь разлил «коньяк». – Давай, что ли. Они выпили.

А тут и официант появился:

– Ничего не надо?

– Спасибо, Николай Петрович, – Игорь засмеялся, – мы пока по первой.

– Да, молодые люди, – вздохнул официант, – раньше я ваших товарищей частенько угощал. Спокойно они на жалованье свое наш ресторан посещали.

– Ничего, папаша, – белозубо засмеялся Никитин, – мы еще свое возьмем.

– Ну, отдыхайте, отдыхайте. – Официант исчез.

Играла музыка – старые довоенные мелодии и новые, конечно, те, что в эти годы стали популярными.

И двое молодых парней, обожженные войной, делающие необыкновенно тяжелую и грязную работу, сидели в засаде и еще не понимали, что эти коммерческие рестораны – первый шаг к налаживанию старой довоенной жизни.

* * *

Вечер накатывался стремительно, а Гриша все не называл условленной фразы.

– А может, этот Борек вообще не придет, как ты думаешь, Игорь?

– Тогда мы завтра опять сюда пойдем, – засмеялся Муравьев. – Только я тогда уж из дому закусочки возьму да выпивки.

– По мне, век бы так работать, – потянулся Никитин. И вдруг:

– По просьбе танкистов-фронтовиков любимое танго «В парке Чаир».

Никитин выглянул из-за занавески. В зал входил respectable господин в роскошном песочном костюме.

К нему со всех ног бросился метр и повел его по залу к удобному столику в уголке. Никитин посмотрел на эстраду. Гриша Кац раскачивался в такт мелодии, словно подтверждал. Он. Он. Он.

– Значит, так. Прибыл наш клиент, Игорь.

Никитин вынул пистолет из кобуры, сунул в карман, одернул гимнастерку, поправил гармошку сапог и вышел.

Официант еще не успел подойти, и Борек небрежно изучал меню. В пепельнице дымилась сигарета в янтарном мундштуке. Лежала на столе пачка с желтым верблюдом.

«Весь в лендлизе», – ухмыльнулся внутренне Никитин.

Он подошел к столу, подвинул ногой стул, сел.

– Я вас звал? – Глаза у Борека были холодными и жесткими.

– А нас не зовут, мы сами приходим. МУР, ОББ. – Никитин достал удостоверение. – Ты, что ли, Борек?

– Я Костромин Борис Петрович.

– Тогда вставай, Борис Петрович, на выход, только тихо.

– По какому праву? – прищурился Костромин.

– Права качать будешь у нас на Петровке.

К столу подошел Муравьев:

– В чем дело?

– Да вот, товарищ капитан, права качает.

– Вам, гражданин, лучше с нами пройти по-тихому, иначе...

Борек встал, положил в карман сигареты и барственно пошел к дверям.

Данилов

– Значит, вы Костромин Борис Петрович?

На столе лежали паспорт, ночной пропуск и удостоверение корреспондента газеты «Вечерняя Москва».

Задержанный сидел свободно, был спокоен и смотрел на Данилова насмешливо и доброжелательно.

– По всей видимости, вы хотите задать мне какие-то вопросы?

– Хотим.

– Вы уж не сердитесь, товарищ подполковник, но я обязан сообщить о своем задержании.

– Обязаны?

– Именно.

И Данилов понял, кто такой Борек и почему он крутится постоянно в ресторане.

– Какой телефон?

– Б 4–22–20.

И номер до слез знакомый. Значит, ты, братец, агент НКГБ. Данилов набрал номер.

– Полковник Запускалов, – ответили в трубке.

– Начальник ОББ МУРа беспокоит...

Собеседник не дал Данилову закончить фразу:

– Иван Александрович, пламенный чекистский привет. Чего тебе наша контора понадобилась?

Голос Запускалова был неслужебно веселым.

– Мы в «Астории» задержали Костромина...

– Что он натворил? – забеспокоился Запускалов.

– Да ничего, а вот вопросы мне ему кое-какие задать необходимо.

– Иван Александрович, дорогой, я сейчас к вам сотрудника нашего подошлю, не возражаешь?

– А если бы и возражал, что бы изменилось?

– Это ты прав. – Запускалов сочно захохотал и повесил трубку.

– Ну что же, Костромин, будем ждать ваших шефов. Вы пока в коридоре посидите.

– Ну что? – заглянул в дверь Муравьев.

– Ждем соседей.

– Значит, он, – Игорь присвистнул, – агент их?

– Не думаю, агента они бы не расшифровали, думаю, штатный сотрудник.

– Мне бы такую работу – в ресторане проедаться, – засмеялся Муравьев.

– Кесарю – кесарево, а слесарю – слесарево.

– Что-то туманно, поясните, Иван Александрович.

Данилов не успел ответить. Дверь без стука отворилась, и на пороге возник подполковник с голубыми кантами на погонах и воротнике кителя.

– Вы Данилов? – спросил он резко.

– Я подполковник Данилов. – Ивана Александровича взбесило хамство, которое сквозило в каждом жесте офицера госбезопасности.

– Ты зачем нашего человека заловил? – Подполковник без приглашения устроился на диване.

– Надо было, и заловил, у тебя, что ли, разрешение спрашивать?

– А спросить бы не мешало.

– Слушай, – Данилов встал, – ты чего пришел? Учить меня работать?

– Ты, Данилов, не взлетай высоко. А почему органы не могут тебя поучить?

– Значит, ты в органах работаешь, а я в гинекологическом кабинете? – Данилов почувствовал, как ярость медленно начинает заполнять его всего.

– Что ты сказал? – заржал подполковник. – Гинекологический кабинет, это вроде ты в нем работаешь.

– Вроде.

– Ну молоток ты, Данилов. Я ребятам нашим расскажу, они со смеху помрут. Ну ты и молодец! Давай знакомиться. Свиридов я, Алексей Григорьевич. Для тебя просто Леша.

– Так-то оно и лучше, Леша.

– Что стряслось?

Данилов вкратце рассказал всю историю, умолчав об удостоверении Лялина.

– Паренька вы заловили нашего. Капитана Баскина. Он там всяких чужеземцев пасет.

Понимаешь?

– Чего не понять.

– Ну и, конечно, наши попадают. Тут, видишь, вопрос деликатный, как протокол ты будешь оформлять?

– По изъятому паспорту.

– Вот это ты удружил. – Свиридов вскочил, подошел к столу. – Ей-богу, удружил, а то начальство дознается.

– Вот ты бы, Свиридов, с этого начал, – миролюбиво сказал Данилов, – а то сразу – органы, учить...

– Ваня, – Свиридов прижал к груди руку, – народ-то знаешь какой нынче, каждый на чужом в рай въехать хочет.

Он подошел к двери и крикнул в коридор:

– Заходи.

В кабинет вошел Баскин.

– Вот что, Боря, – сказал ему Свиридов, – ты на все вопросы подполковника Данилова ответь, помоги коллегам.

– Вот протокол допроса официанта, ознакомьтесь. – Данилов протянул капитану бумаги. Баскин внимательно прочел, положил на стол.

– Я, товарищ подполковник, эту компанию помню. Из той четверки знаю только блондинку, на нее у нас есть установочные данные.

– Вот это дело, приятно с чекистами работать рука об руку, – обрадовался Данилов. – Ну а теперь, гражданин Костромин, давайте все это официально оформим.

Когда они закончили писать протокол и даже чаю попили, Свиридов сказал прощаясь:

– Ты, Ваня, со мной пошли одного из своих ребят, я ему установочные данные на эту бабу дам, – и у самых дверей добавил: – Бумажка-то насчет удостоверения вашего Лялина у меня лежит, я ей, Данилов, ходу пока не дам. Разыщешь урок – порву, а нет – сам понимаешь.

– Спасибо, Леша. Значит, уже успел.

– А ты как думаешь, Ваня? Так что хорошим людям в этой жизни надо вместе держаться.

Чекисты ушли, а Данилов еще раз подумал о скотине Сажине. «Вот надо же, успел телегу сочинить. А может, не он? Наверняка агенты госбезопасности у них в МУРе тоже осели».

И Данилов вспомнил, как несколько лет назад прямо на работе забирали хороших сыщиков и преданных делу людей. Забирали, увозили, и они исчезали навсегда.

Кто-то же закладывал их.

Нет, наверняка агентурная сеть НКГБ работает и в их конторе, поэтому и народ на Петровке стал не таким, как в тридцатые. Тогда в отношениях искренности было больше.

Белов

Утром его вызвал Данилов.

– Ну, как дела у тебя, Сережа?

– Все в порядке, Иван Александрович.

– Здоровье?

– Пока в норме.

– А что с квартирой? Вернулись родственники?

– Вернулись, Иван Александрович. Квартиру разменяли. Я в том же доме остался, у меня однокомнатная, а предки на Пушкинскую переехали.

– Значит, все хорошо?

– Отлично.

Но Данилов уловил в словах Сережи некоторую горечь.

– Ну, вот видишь, я вроде как чуткость проявил. Ты не расстраивайся, все образуется.

– А все и образовалось, Иван Александрович.

– Ну вот и славно. Соседи помогли нам установить одну из дам, что за столом в «Астории» сидела. Наталья Николаевна Головня. Работает в ателье на Ленинградском шоссе, рядом с Клубом летчиков. Так что поезжай к ней, побеседуй.

Сергей вышел из МУРа и сощурил глаза от солнца. Денек сегодня выдался на славу. Он не торопясь дошагал до Петровского бульвара, закурил и пошел в сторону Пушкинской. Две молоденькие девушки, видимо студентки, стрельнули глазами в его сторону. Пробежали мимо и засмеялись. Ну что ж. Жизнь продолжается. Вон девушки какие красивые ходят. Несколько женщин засыпали зенитную огневую. Когда-то здесь стояла автоматическая 37-миллиметровая пушка «эрликон».

Теперь она уже не нужна – фронт не только ушел от Москвы, но и уже перешагнул границу. Войска сражались в Румынии.

Рядом с Радиокomiteетом, на Путенках, стояла мороженщица.

– «Мишка на Севере», «Машка на юге»! – кричала она, зазывая покупателей.

У ее лотка стояли двое пацанов и брали половинку брикета на двоих. Четвертушка стоила семь пятьдесят, половина – пятнадцать.

Сергей взял половину. Мороженое из суфле странного военного продукта было коричневатым, но все равно необыкновенно вкусным. Сергей ел мороженое, стараясь не капнуть на песочный коверкотовый костюм, недавно пошитый у знакомого портного.

Это был его первый собственный костюм. Красивый и модный. И туфли на нем были что надо. Коричневые, тупоносые, прошитые светлыми строчками. Туфли эти подарил ему еще в сорок втором Мишка Костров. Так они и лежали, ждали своего часа. Хорошо себя чувствовал Сергей Белов в новом, по фигуре сшитом костюме.

И день выдался хороший. Прямо довоенный. Изменилась Москва. Сергей вспоминал май прошлого года, не таким еще был город, чувствовалось в нем нечто прифронтовое. А сегодня народ стал веселее, увереннее. Карточки отоваривают обильнее, женщины надели яркие платья, да и мужчины скинули френчи и гимнастерки, щеголяют в довоенных костюмах.

Вот на Пушкинской во всех домах соскоблили бумажные кресты со стекол. Правда, жестяные выводы для труб буржук еще остались.

Город еще был военным, но уже не прифронтовым. На остановке у кинотеатра «Центральный» народу было не много. Но он пропустил двенадцатый троллейбус, потому что за ним шел двадцатый, двухэтажный. Сергей забрался в верхний салон, сел у окна, и поплыла Москва мимо окон.

Улица Горького приняла подобающий вид. Убрали мешки с песком из магазинных витрин, вымыли стекла, и они сияли на солнце забытой мирной чистотой.

У Театра кукол, на Маяковской, стояла очередь за билетами. Сергей посмотрел налево и увидел толпу у входа в Оперетту. В Москву вернулись все театры, и люди часами простаивали в очередях, чтобы попасть вечером в иной, радостный, выдуманный мир, в котором были и любовь, и коварство, но обязательно счастливый конец. На три часа забыты тесные коммуналки, неустроенность военного быта, карточки, ордера, литеры, изнурительный многочасовой труд.

У Белорусского вокзала троллейбус на несколько минут остановился. Путь перегородила дровяная платформа, в которую были запряжены две хилые лошади. Возчик и милиционеры в орудовской форме никак не могли стащить с места коней, напуганных проехавшей газогенераторной полуторкой.

Наконец с помощью прохожих коней удалось заставить оттянуть платформу, и троллейбус благополучно проехал.

* * *

Сергей вышел из троллейбуса у Клуба летчиков. Прошел несколько метров и увидел надпись «Ателье». В большой приемной ожидало своей очереди достаточно много народу. Из примерочных кабинок доносились голоса клиентов и портных, на столах лежали довоенные затрепаные журналы мод, пахло раскаленными утюгами и лежалой материей.

Сергей подождал, когда освободится приемщица, и, наклонившись к столу, сказал тихо:

– Я из милиции, мне нужна товарищ Головня.

– Наталья Николаевна?

– Именно.

– А вон дверь видите? Прямо туда, она там работает.

Белов постучал, не получил ответа и толкнул дверь.

В большой комнате на столе были разложены странно нарезанные бумаги, над которыми, словно конструктор над чертежами, склонилась красивая блондинка в синем халате с кружевным белым воротничком, надетым на платье.

– Вы ко мне? – спросила она, не поднимая глаз.

– Да.

– Вы из Дома моделей?

– Нет, я из милиции.

Головня выпрямилась:

– Мило. Вы что, наш новый участковый?

– Нет, я из МУРа. Старший лейтенант Белов.

– А я-то вам зачем?

– Надо поговорить.

– Ну что ж, – Головня села на диван, закинула ногу на ногу, закурила, – слушаю вас.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.